

УДК 811.161.1'37:811.111'37:39
ББК Ш141.12-006.3+Ш143.21-
006.3

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

Е. А. Маклакова
Воронеж, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАН- ТИКИ СЛОВА

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматриваются проблемы исследования семантики лексики в ракурсе её национальной специфики. На конкретных примерах русских и английских слов и словосочетаний автор обосновывает разграничение национально-языковых и национально-культурных особенностей, выявляемых в их значениях при описании и сопоставлении.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лингвокультурологические исследования; лингвокультурология; лексическая семантика; значения слов; русский язык; английский язык; сопоставительное языкознание; семантика слова.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Маклакова Елена Альбертовна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова.
Адрес: 394087, Воронеж, ул. Тимирязева, 8.*

E. A. Maklakova
Voronezh, Russia

NATIONAL LINGUISTIC SPECIFICITY AND LINGUO-CULTURAL FEATURES OF WORD MEANING

ABSTRACT. *The article deals with the problems of investigation of lexical semantics from the point of view of its national specifics. The author substantiates the differences between national-linguistic and national-cultural specific features of their meanings revealed during their description and comparison and illustrates them with examples of Russian and English words and word combinations.*

KEYWORDS: *linguo-cultural research; linguo-culturology; lexical semantics; word meaning; Russian language; English language; comparative linguistics; word meaning.*

ABOUT THE AUTHOR: *Maklakova Elena Al'bertovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov.*

Язык тесно связан с духовной культурой человечества наряду с другими знаковыми системами и может многое сказать о ней и её специфике. Содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код — систему взаимосвязанных значений, отражающих специфические, исторически обусловленные мировосприятие и миропонимание, присущие определенному языковому сообществу.

Следует принять во внимание, что большую часть своей жизни обычный человек проводит, подражая тем или иным культурным образцам, следуя установленным паттернам поведения. Соответственно, если некоторая ценность, верование, убеждение и знание прошли эстафету поколений и нашли свое отражение в языке, то это и есть достаточный критерий культурной значимости всех этих форм опыта. Совершенно справедливо утверждать, что «духовная культура как объективное ментальное образование оказывает воздействие на людей, в значительной мере определяет их ценностно-мыслительные ориентации» [Поппер 1983: 302–303].

В лингвистике уже давно сложилась традиция изучения национальной специфики языка, в большинстве случаев касающейся семантики слов, сквозь призму культуры. По мнению А. Гудавичюса, в лексической семантике существуют «поверхностный и глубинный уровни отражения культуры». Поверхностным уровнем отражения культуры исследователь называет такой, «когда особенности культуры народа находят непосредственное выражение в особых единицах лексического уровня языка (безэквивалентная лексика) или в характере этих единиц (словообразовательная мотивированность, метафоризация)». Глубинный же уровень «кроется в природе самого значения как сокращенного понятия, сигнализирующего об объектах действи-

тельности (или концептах) при вторичной референции в актах речи» [Гудавичюс 1980: 57].

А. А. Леонтьев выделяет систему факторов, определяющих национальную языковую специфику, к которым относятся как «факторы, связанные с культурной традицией и с социальной ситуацией, так и факторы, определяемые спецификой языка данной общности» [Леонтьев 1997: 191–192].

Полагаем, что далеко не вся национальная специфика семантики языковых единиц, представляющая особый тип осмысления действительности в национальном сознании, может быть обусловлена отражением в семантике культуры того или иного народа. Думается, что при исследовании проблем, связанных с национальной спецификой того или иного языка, из всех многочисленных определений, предлагаемых авторами семантических и лингвокультурологических исследований, предпочтительнее принять узкое толкование *культуры*, понимая её как *культуру духовную* — это ценности, принципы, нормы и правила, ритуалы как принципы эталонного бытового поведения, а также произведения литературы и искусства (художественная культура).

Соответственно, придание отдельному слову статуса *культурного* или *ключевого* для данной лингвокультурной традиции нуждается в лингвистическом обосновании, в выявлении так называемых культурных доминант «через сопоставление ценностных суждений, которые вытекают из стереотипов поведения и зафиксированы в значениях слов, устойчивых выражениях, прецедентных текстах» [Карасик 1996: 5].

Справедливо утверждение А. Вежбицкой, что «не все межъязыковые различия исследуются лингвокультурологией, ибо они не являются культурно-значимыми, т.е. не все различия в языках имеют культурно обусловленные причины и следствия» [Вежбицкая 2001: 38].

Так, в семантике многих лексических и фразеологических единиц выявляются стилистические и шире — функционально-структурные различия, которые никак не обусловлены факторами культуры, специфичными для соответствующего народа. В то же время, согласно результатам нашего исследования, в семантике сопоставимых единиц разных языков фиксируются многочисленные тождественные семантические компоненты значения, которые отражают универсальные, общечеловеческие явления культуры, поскольку принадлежат не отдельно взятому народу, а являются достоянием человечества в целом.

Например, следующие фразеологические единицы русского языка и их переводные соответствия в английском языке дифференцируются по составу конституирующих их компонентов и по фразеологическому образу, то есть имеют национальную специфику семантики, однако выражают тождественные для двух культур ценностные культурные ориентиры, демонстрируя тем самым отсутствие культурологически значимых национальных различий:

вырос, а ума не скопил ≈ *better fed than taught* (откормлен, но не обучен) — о невоспитанном или необразованном человеке — *неодобрительное*;

так себе, ни то ни сё ≈ *betwixt and between* (между и между) — о человеке среднем, ничем не примечательном — *пренебрежительное*;

ум хорошо, а два — лучше ≈ *four eyes see more than two* (четыре глаза видят лучше, чем два) ~ [этим. лат. *Plus vident oculi quam oculus* — несколько глаз видят лучше, чем один] — о людях (ум, глаза), которые добьются успеха, объединив свои усилия;

притча во языцех ≈ *the talk of the town* (то, о чём или тот, о ком говорит весь город) — предмет всеобщих разговоров, постоянных пересудов и т.п.

Само утверждение о лингвокультурном характере конкретного языкового явления в любом случае должно быть доказано конкретными фактами конкретной культуры. При наличии таких доказательств данное явление становится лингвистическим фактом и дополняет описание национальной специфики языка, в противном случае — лингвокультурологические версии остаются гипотезами, не дающими лингвистике достоверного знания о языке.

Например, для жителей многих стран *снег* — это не просто вид атмосферных осадков, но и эталон белизны, с которым принято сравнивать другие белые предметы: белоснежные волосы, кожу, плечи; с белым цветом *жемчуга* ассоциируется белизна зубов; *мел* — тоже белый, но в сознании русскоязычных людей с ним обычно воспринимается по ассоциации цвет побледневшего лица, описывая которое также говорят: бледный как *полотно* или *смерть*. Англоязычные люди *бледное лицо* образно связывают со следующими предметами: *white as a sheet* (*полотно*), *as ashes* (*пепел*), *as death* (*смерть*), *as ghost* (*приведение*), *as the driven snow* (*выпавший снег*); при этом белоснежность метафорично описывают как *white as milk* (*молоко*), *as snow* (*снег*), *as wool* (*руно*).

Слова *щепка, спичка, спица* применяются в русском языке для образного описания худобы человека. Напротив, в семантике слов *иголка, соломинка, волосок, шило*, которые также обозначают вещи тонкие, не выявляется компонент, служащий для обозначения такого физического состояния человека, и образная потенция данных слов раскрывается во фразеологических сочетаниях с другими значениями: *на волоске* — в крайне опасном или ненадёжном состоянии; *не иголка* — трудно потерять; *шило в попе* — грубо, о вертлявом, непоседливом человеке, обычно ребенке; *утопающий хватается за соломинку*.

Подобная особенность значения слов свидетельствует о наличии у них образности, закреплённой в их семантике речевой практикой, однако не доказывает наличие у них национально-культурной специфики, поскольку никаких доказывающих это конкретных ритуалов либо ментальных фактов культуры привести невозможно.

В английском и русском языковом сознании ассоциации, связанные с описанием худого человека, ненадежного состояния, крайнего средства спасения, пустой траты времени и т.п. в некоторых случаях совпадают:

dry as a chip (высохший как щепка), *by a hair / within a hair of* (на волосок),

a drowning man will catch at a straw (утопающий хватается за соломинку),

look for a needle in a bottle of hay (искать иголку в стое сена).

В следующих фразеологических сочетаниях упомянутые английские лексические единицы ассоциируются с другими образами, отличными от тех, что существуют в русском национальном сознании:

not worth a straw (не стоить и соломинки ~ гроша ломанного не стоит),

it is the last straw that breaks the camel's back (последняя соломинка ломает спину верблюда ~ последняя капля, переполняющая чашу терпения),

sharp as a needle (острый как игла = наблюдательный, пронизательный, находчивый),

as thin as a lath (худой как рейка), *as thin as a rail* (... как рейка, шпала), *as thin as a rake* (... как грабли), *as thin as a thread-paper* (... как полоска бумаги), *as thin as a whipping post* (... как столб позора).

Представляется, что подобные примеры, число которых может быть умножено многократно, никак не отражают различия культур, а отражают различие в коммуникативных потребностях народов, которые вызывают формирование тех или иных лексических дифференциаций или интеграций.

Почему возникли те или иные лексические дифференциации или интеграции, почему так или иначе символизируется то или иное явление — вопросы, которые обычно не могут быть решены однозначно, большинство объяснений находятся в сфере случайности, уходящей корнями во время первичной номинации предмета словом; особенно часто это может быть отнесено к детальности номинации той или иной сферы действительности (номинативной плотности лексических группировок), дифференциации номинативных средств языка, внутренней форме единицы, метафорам, символике.

Ср. словарное толкование фразеологического образа ФЕ *мышинный жеребчик*, которое более похоже на предположение или версию: «В образе фразеол. дошли до нас представления о неравных браках, являющихся одной из исторических традиций на Руси и отражающие определенные устои классового общества» [БФСРЯ 2006: 480].

Ср. также словарное толкование фразеологического образа ФЕ *нет царя в голове*: «Образ фразеол. связан с древнейшими представлениями о бытии — небытии. С помощью компонента **нет** выражается смысл абсолютного отсутствия, несуществования кого-л., чего-л. Понятие, выражаемое словом **нет**, в русской культуре очень значимо, отсутствие чего-л. ощущается, является зримым и находит свое воплощение в вещной метафоре; ср. фразеол. *дырка от бублика, ноль без палочки, пустое место...* [БФСРЯ 2006: 480].

Думается, что на современном этапе развития науки о языке уже совершенно недостаточно обобщенно констатировать, как это часто делается в некоторых современных работах, претендующих на статус лингвокультурологических, что данное явление «*очень значимо в культуре народа*», «*отражает особенности культуры народа*» и т.п. — необходимо эксплицитно объяснить, какой культурный феномен, явление, факт национальной культуры отражает та или иная единица, ее значение или семантический компонент.

Иными словами, для констатации факта национально-культурной специфики семантики языковых единиц необходимо

эксплицитное выделение *лингвокультурно значимых сем* или *семем*, обусловленных **конкретными** фактами конкретной национальной культуры, феноменами, явлениями и процессами, которые имеют место или были когда-то зафиксированы в культуре того или иного народа [Маклакова, Стернин 2015: 245].

Немаловажную роль играют при этом изменения в употребительности лексемы или семемы, обусловленные культурными изменениями, то есть объяснимые с позиций изменений, происходящих в национальной поведенческой культуре. Например, изменения в частотности лексем установлены в исследованиях У. Талла на примерах уменьшительно-ласкательных форм наименований гостей в русском языке. Исследованный материал показывает, что выходят из употребления или становятся значительно менее употребительными ласкательные наименования гостей (*гостьюшка, гостенек, гостинчик, гостек, гостинька, гостейка*, в значении слова *гостья* ласкательное значение вышло из употребления совсем). Такие единицы становятся мало-частотными. «Это объясняется тем, что в современной русской культуре постепенно ослабляется положительно-эмоциональное отношение к гостям, оно становится более ритуальным, что и ведет к снижению частотности номинации ласкательного отношения к гостям» [Талл 2011: 115]. Соответственно, конкретный факт изменений в культурных ритуалах доказывает, что данное явление имеет в языке *культурную обусловленность*.

«Высокая эмоциональность русского человека и демонстрируемое им в общении устойчивое стремление к установлению дружеского межличностного контакта с собеседниками» [Прохоров 2006: 32] обуславливает наличие в русском языке многочисленных эмоционально-ласкательных единиц в функции обращения: *матушка, матуша, матуня, матуничка, матуненька, матунюшка, матуся, матусенька, матуля, матуличка, матя, матунька, батенька, голуба, гражданочка, любушка, милочка, милава, милена, милуша, милушка, мипаша, мипашиха, душка, душатка, душарка, душаточка, братишка, вдовушка, внучек* и т.д. Наличие в русском языке большого количества слов с эмоционально-оценочными суффиксами разной семантики (*лебёдушка, девуня, девчушка, девчурка, девонька, деваха, девка, детина, дочурка, дурачина, дурища, дурында, дуреха, дурёшка* и мн. др.) может быть объяснено повышенной эмоциональностью русского общения и востребованностью эмоциональных единиц в общении русского человека. Приведенные примеры могут быть интерпре-

тированы как имеющие *лингвокультурный характер, отражающие национальную культуру народа*.

Если же предлагаемое объяснение языкового явления носит гипотетический или общий характер (например, это *отражает особую душевность русского народа, это отражает любовь данного народа к природе, это отражает особую любовь англичан к морю*), то в таких высказываниях просто констатируется возможная связь семантики слова с культурой, что вполне может и не подтвердиться при конкретном исследовании. Коммуникативно-обусловленные различия в номинативной плотности языковых сфер с точки зрения объяснительной лингвистики нуждаются в конкретном анализе в каждом отдельном случае.

Специфика внутренней формы языковой единицы, а также дифференциация языковых средств в номинации определенной предметной области автоматически не могут быть интерпретированы как отражение *лингвокультурной* специфики языка — эти различия могут быть обусловлены чисто случайными причинами. Если удастся мотивировать данные различия при помощи конкретного факта той или иной национальной культуры, то такие различия могут быть признаны *национально-культурными*. Если же такая мотивация невозможна, то можно говорить лишь о *национальных* особенностях семантики, но не о *национально-культурных* особенностях семантики.

Полагаем, что выявление *культурной* специфики семантики как отражения ментальной культуры в семантике слова связано с отражением в семантике языковых единиц:

- духовных явлений (образов художественной культуры): литературных реалий, прецедентных художественных (паремий, мифов, сказок) и нехудожественных (например, рекламных, публицистических) текстов, в том числе и экранизированных произведений;
- а также опредмеченных духовных явлений (социальных ритуалов, культурных явлений, социальных институтов, отражающих духовные явления как элементы сознания народа).

Знание прецедентных текстов, с которыми могут быть тесно связаны культурные ассоциации, весьма существенно для адекватного понимания национально маркированных языковых единиц. По мнению Г. Г. Слышкина, «реминисценции, основанные на апелляции к прецедентным текстам, должны отвечать следующим условиям: во-первых, осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определенный текст; во-вторых, знакомство адресата с исходным текстом и его спо-

способность распознать отсылку к этому тексту; в-третьих, наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста» [Слышкин 2000: 48]. Незнание прецедентных текстов как в родной, так и в чужой культуре, неосознанное игнорирование их культурной «привязки» к речевым актам может приводить к коммуникативным неудачам.

Примерами собственно литературных сем, отсылающих к национально-литературным реалиям или прецедентным текстам, являются следующие микрокомпоненты значения, описанные в семантике наименований лиц:

колокольный дворянин — лицо духовного сословия — из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»;

кисейная барышня — лицо, женский пол, провинциальная, ограниченная, простодушная, жеманная — персонаж повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» 1860 г.;

лебедь, рак да щука — о компании с различными интересами — от названия басни И. А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак»;

лишний человек — в русской литературе XIX в. тип человека, не умеющего найти применение своим силам в общественной жизни, своего рода форма косвенного, неполитического протеста против сложившихся в России условий жизни (выражение вошло в употребление после публикации «Дневника лишнего человека» И. С. Тургенева 1850 г.);

маг и волшебник — человек, который очаровывает кого-л. своим умом, знаниями, мастерством и т.п. (заимствовано из комедии А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» 1855 г., где рассказывается об авантюристе Кречинском, которого называют магом и волшебником);

Маша-растеряша — о том, кто отличается сильной рассеянностью, постоянно что-л. забывает — персонаж из стихотворения Л. Ф. Воронковой, 1906–1976;

Саша с Уралмаша — простоватый, не слишком образованный провинциал [Юганов 1994: 163] (из кинофильма «Два бойца» (1943 г.), в основу сценария которого легла повесть Л. И. Славина «Мои земляки», так один из героев фильма шуточно называет своего друга);

человек в футляре — живущий своими узкими интересами; отгородившийся от людей, от жизни; косный и замкнутый (по одноименному рассказу А. П. Чехова);

another Richmond in the field — ещё один неожиданный соперник (измененное шекспировское выражение) [Кунин 1984: 630];

Man Friday = Пятница — верный, преданный слуга (по имени верного слуги в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо», по аналогии: *a girl Friday* — помощница, правая рука, надежный работник, особ. о девушке-секретаре) [Кунин 1984: 313, 481];

Simon Legree — жестокий властитель (по имени злодея-надсмотрщика из романа «Хижина дяди Тома», избивающего негра Тома до смерти);

white hat = белая шляпа — хороший парень, *black hat* = черная шляпа — злодей, негодяй (исходя из одежды героев американских фильмов);

deer throat — тайный информант, осведомитель (псевдоним осведомителя, фигурировавшего в скандале с разоблачением установки подслушивающих устройств в штаб-квартире избирательной кампании демократов в гостинице «Уотергейт», взятого им по названию порнографического фильма);

– а также следующие микрокомпоненты значения, выявленные в семантике наименований лиц посредством психолингвистического эксперимента (количество ассоциативных реакций на слова-стимулы указано цифрами):

тупой — фильм: «*Тупой и ещё тупее*» 15, известны выражения: *тупой как баран* 3, *как валенок* 1, *как пробка* 1;

дикий — персонажи книг и сериалов: *Дикий ангел* 1, кличка *Дикий* 1;

бомж — персонажи юмористического телешоу «Наша Russia»: *бомжи Сифон и Борода* 2;

папа — спортивная передача «*Папа, мама, я — веселая семья*» 1, песня «*Папа, подари мне куклу*» 1.

Следующие примеры наименований лиц, служащих для обозначения участников свадебного обряда, свидетельствуют об изменении или исчезновении *культурной значимости* ряда языковых единиц, что нашло свое отражение в переходе таких лексических единиц из разряда современной и частотной в разряд устаревшей и малочастотной или неупотребительной лексики:

дружка (совр., частот.) — распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом;

шафер (совр., малочастот.) — в церковном свадебном обряде: человек, состоящий при женихе (или невесте) и во время венчания держащий у него (неё) над головой венец;

ежевуха (устар., редк.) — бойкая женщина, управляющая свадьбами;

гостинщина (устар., неупотр.) — каждая из девушек, приехавшая от жениха к невесте с подарками накануне свадьбы, либо на девичник (их угощают и отправляют кататься по городу).

Одна из граней обсуждаемой проблемы касается изучения системы базисных концептов: отражая в своей семантике длительный процесс развития народа, подобные ментальные единицы языка передают от поколения к поколению определенную значимую для мировосприятия и миропонимания данного народа информацию, которая фиксируется в виде фоновых знаний посредством единиц языка. Необычайно широкое распространение этого направления исследований объясняется тем, что оно естественно и гармонично сливается с когнитивным подходом, уже прочно укрепившимся в российской лингвистике и принявшим данную разновидность концептологического анализа в качестве одной из ведущих областей когнитивной лингвистики.

При этом следует отметить, что *национальная специфика концептов* далеко не всегда непосредственно связана с культурой народа. Она проявляется в наличии безэквивалентных языковых единиц, называющих соответствующие концепты у разных народов. Сюда же, очевидно, могут быть отнесены некоторые концепты, именуемые собирательными наименованиями лиц: *интеллигенция, номенклатура, провинция, деревня, власти, контра* и под. Например, ряд американских авторов, пишущих о России сочли необходимым воспользоваться следующими русскими словами, вкрапленными в английский текст — *nomenklatura, bespartiiny* (Shipler 1989), *vozhd, vlasti* (Lourie, Mikhalev 1989), так как вероятнее всего, не смогли подобрать английские переводные соответствия, соответствующие данным концептам русской культуры, воплощенным в соответствующих языковых единицах.

Отметим, что концептуальная сфера не идентична сфере лексических значений. Как следствие этого, например, наблюдается несовпадение содержания и структуры концептов содержанию и структуре одноименных лексико-семантических полей. Например, концепт *человек* и лексико-семантическое поле *человек* не совпадают: в концепте есть большая энциклопедическая периферия, индивидуальная составляющая, а в ЛСП участвуют только системные значения образующих его единиц (аналогично концепты и ЛСП: *личность, мужчина, женщина, учитель, мастер, лидер* и т.п.). Номинативное поле концепта может не совпадать с ЛСП — в него входят несколько иные единицы, нежели в ЛСП.

Нельзя не учитывать и подвижности отношений между концептом и лексемой, в процессе исторического движения языка происходят как явления деконцептуализации, так и явления концептуализации.

Некоторые концепты (но далеко не все) могут быть обусловлены национальной культурой. В таком случае номинирующие их лексические единицы будут отражать в своей семантике культурные факторы. «Культурные доминанты в языке объективно выделяются и могут быть измерены. Этнокультурная специфика представления того или иного концепта может быть выявлена посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов» [Карасик 2002: 205].

Следовательно, когнитивное содержание культуры, выраженное в культурных концептах, требует отдельных параллельных исследований для выявления при этом их **национальной когнитивной специфики**, что следует относить к предмету *лингвокогнитивных* исследований.

Исследование национально-культурной специфики языка в рамках семной семасиологии предполагает выявление и описание национально-культурных сем в парадигме объяснительной лингвистики.

Подобное описание может осуществляться как внутри одного языка (семы, обусловленные фактами национальной духовной культуры), так и при сопоставлении двух и более языков (семы, различающиеся как отражение разных национальных духовных культур).

Таким образом, для исследования культурной специфики языка в рамках семной семасиологии представляется важным и принципиальным:

- не усматривать в любых семантических различиях языков отражение культурных факторов;

- определить для лингвокультурологического анализа языковых единиц *культуру* как явление ментальное — совокупность ментальных ценностей, принципов, норм и правил народа, а также совокупность произведений литературы и искусства (художественная культура);

- систематизировать формы отражения культуры в языке и рассматривать языковые явления в рамках выделенных форм

(культурно-обусловленные семы, лингвокультурные значения, культурные концепты);

– подтверждать выявленную национально-культурную специфику семантики конкретных языковых единиц конкретными фактами национальной культуры.

Лингвокультурология в таком случае может быть определена как наука о *национально-культурной специфике* семантики языковых единиц.

Соответственно, интерпретацию лингвокультурных сем, семем, концептов следует осуществлять посредством специально разработанной для этих целей лингвокультурологической методики, одним из начальных этапов которой, вероятно, и будет выявление *национальной специфики* явлений языка.

Подчеркнем, что лингвокультурологический подход в современной лингвистике следует рассматривать в качестве *дополнительного аспекта лингвистического описания семантики языковых единиц*, направленного на объяснение и доказательство культурно обусловленных причин возникновения национальных особенностей семантики языковых единиц.

Данная точка зрения имеет несомненное преимущество, прежде всего потому, что позволяет отграничить *лингвокультурную специфику семантики* от более широкого понятия — *национальная специфика семантики*, определить соотношение этих понятий, конкретизировать и уточнить данные термины.

ЛИТЕРАТУРА

Гудавичюс А. Универсальное и специфическое в лексическом значении // *Slavia*. XLIX. — Praha, 1980. № 2. С. 52–67.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М., 2001. 288 с.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты*. — Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997. 287 с.

Маклакова Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Изд. 2. — Берлин: Издательство: «Директ-Медиа», 2015. 457 с. Режим доступа: [http://www.directmedia.ru/book_375680_teoreticheskie_problemyi_semnoy_semasiologii/](http://www.directmedia.ru/book_375680_teoreticheskie_problemy_semnoy_semasiologii/).

Поппер К. Логика и рост научного знания (*Logik der Forschung*) / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1983. 605 с.

Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — М.: Флинта-Наука, 2006. 326 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. 128 с.

Талл У. Семантика и употребление единиц семантического поля гость в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2011. 220 с.

СЛОВАРНЫЕ ИЗДАНИЯ

Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Научн. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. Авторский коллектив словаря: Акованцева Н. В., Атланова Е. О., Дюжакова С. Г., Козельская Н. А., Конопелько И. П., Маклакова Е. А., Розенфельд М. Я., Рудакова А. В., Саломатина М. А., Селезнева Г. Я., Стернин И. А., Тимошина Т. В. — Воронеж: издательство «Истоки», 2011. 187с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. 2-е изд., стер. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. (Фундаментальные словари).

Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь рус. яз.: 1500 фразеологических единиц. — М: Астрель: АСТ, 2007. 603 с.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М. В. Литвинова. — М.: Рус. яз., 1984. 944 с.